„Южный край", г. Харьков
1891 г. 12 октября

Изъ Харьковской театральной старины*.

(Матеріалы, мелочи и замѣтки).

VI.

Какъ было уже сказано въ одной изъ нашихъ предшествовавшихъ замѣтокъ о Харьковской театральной старинѣ, Харьковскіе студенты, по университетскимъ правиламъ, дѣйствовавшимъ въ 30 хъ годахъ, были лишены права посѣщать театръ. Долго ли оставался въ силѣ этотъ запретъ, какъ невнѣшнимъ въ прошлое царствованіе, но всякомъ случаѣ, его уже не существовало, что же касается до того, чѣмъ онъ былъ вызванъ, то на этотъ счетъ въ печати можно найти нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ довольно трудно вывести что нибудь опредѣленное. Ясно только одно: студенты подвергались карѣ вслѣдствіе какой то свалки, разыгравшейся въ театрѣ во время спектакля въ первой половинѣ 20 хъ годовъ.

Одинъ изъ Харьковскихъ старожиловъ, печатавшій свои воспоминанія въ мѣстныхъ „Губ. Вѣд." подъ инициалами И. Б. и перешедшій изъ Полтавской гимназіи въ Харьковскій университетъ въ 1824 году, говоритъ: „До поступленія моего въ университетъ Харьковскіе студенты произвели какую то „исторію" въ театрѣ, почему посѣщеніе театра намъ было на долго воспрещено" **).

По словамъ Кованьки, много лишнаго здѣсь 30—40 тому назадъ по нѣмотной статистикѣ и старинѣ, дѣло было такъ:

„Въ 1823 году, 28 сентября, вдругъ брошено было на театральную сцену яблоко; раздался крикъ, стонъ. Сдѣлалось всеобщее смятеніе. Всѣ встали, замучѣли; только вѣрдка можно было разслышать слова: „студенты!... бунтъ!... полиція! полиція"!... Явилась полиція, 60 человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ, и вела студентовъ. Началось слѣдствіе конечно, не тотъ же часъ и ило надлежащимъ порядкомъ, какъ водится... И вотъ, члены сѣдмотвенной комиссіи говорятъ: слѣдствіе кончено, это бунтъ! Депутатъ отъ университета, профессоръ Кинтинъ, возвышаетъ голосъ: „нѣтъ, отой, господа! я все знаю! Прошу прослушать! Вотъ мое мнѣніе: изъ всѣхъ показаній видно, что такого то числа давалась такая то пьеса. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ".

— Первое дѣйствіе прошло спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ".

— Въ антрактѣ спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ".

— Второе дѣйствіе прошло спокойно. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ".

— Вышла актриса Налетова. Такъ?

Отвѣчаютъ: „такъ".

— Кажется, фаворитка Ге...?

— Такъ.

— Брошено яблоко невнѣшнію кѣмъ и какъ отсуда именно; раздались свистки и крикъ сторонъ; произошло общее смятеніе; кричали: бунтъ! студенты! полиція!

— Такъ!

— Полиція и 60 гарнизонныхъ солдатъ вышли строгость. Гдѣ-жъ тутъ бунтъ? Это заговоръ!

— Но студенти сопротивлялись такъ, что надобно было привести роту солдатъ; вотъ и палки, которыми они отбивались, когда ихъ вели,—оказалъ на слѣдствіе свидѣтель.

— Гдѣ эти палки?

— Вотъ!

— Палокъ тамъ не было. Смотрите: это вѣрба совершенно свѣжая, только что срѣзанная; вѣрба которая должна пугать. Посадить ее при мѣстѣ! Она метля, пуститъ ростки! Это заговоръ!

— Какой-же заговоръ?

— Откуда могли взяться 60 гарнизонныхъ солдатъ, если они не приготовлены прежде?

— Въ чемъ-же этотъ заговоръ и что кого?—спросили слѣдователи.

— Мнѣ все извѣстно. Нѣкоторыя лица обижаются тѣмъ, что по правиламъ университета, ихъ дѣти опытъ на одной скамьѣ съ дѣтьми простолюдиновъ, отъ которыхъ де ничему хорошему не научатся. Это-то господа найдются отдѣлить свое сословіе подготовомъ уже разрѣшенного къ постройкѣ кадетскаго корпуса и хотятъ передъ тѣмъ учинить университетъ. Это заговоръ! Я требую посадить палки, онѣ пустятъ ростки".

„Говорятъ, что палки были посажены и дѣйствительно пустили ростки.

„Наконецъ, слѣдствіе было кончено, дошло до Высочайшаго разсмотрѣнія и было рѣшено тѣмъ, что студентамъ запрещено бывать въ театрѣ, а полицій мейстеръ Ла....ровъ (Лавровъ?) удаленъ отъ должности" *.

Въ такомъ же видѣ излагается „исторія" и въ записокахъ Т. И. Селиванова.

„Въ 1823 г., разсказываетъ въ нихъ, сошрла давно дошедшая у дворянъ мысль. Многіе изъ дворянъ, а особливо аристократы, не довольны были университетомъ за то, что такъ не дѣлаютъ никакого различія меж дѣтьми стодобныхъ дворянъ и другихъ сословій. Тутъ сидѣли опять полковники и генерала, а съ боку его поповичъ, смѣръ купца или портнаго. Не даютъ ихъ дѣтямъ никакого преимущества передъ другими, а дойдетъ дѣло до экзаменъ и до выдачи аттестаціи, то сметутъ ихъ и выдадутъ впереди, а то поповичъ, то дѣти портныхъ или мастеровыхъ. Это заведеніе надо дѣлать чисто намъ. Нѣтъ, намъ надо бо учредить такое заведеніе, куда бы не такого пускать дворянъ не смѣть заведеніи могли. Наконецъ, это-то и есть важную въ тому причину. Ну, ладно! дѣло задумано,—остановки не будетъ".

* „Губ. Вѣд." 1859 г., Прибавленіе, № 49.

Рѣшено было показать, что студенты ведутъ себя буйно въ театрѣ.

„1823 года въ концѣ сентября (28 или 29-го) разигрывалась какая-то пьеса, состоящая изъ трехъ дѣйствій. Зрителей было очень много, и студентовъ довольно. Кончилось первое дѣйствіе,—въ театрѣ было скромно; кончилось и второе,—въ театрѣ тоже было тишина, а въ началѣ 3-го дѣйствія брошено на сцену яблоко, и невѣрётно кѣмъ и откуда брошено и вдругъ сдѣлался шумъ, ворвалось въ театръ нѣсколько солдатъ полицейскихъ и батальонныхъ и начали безъ разбора бить студентовъ. Студенты, само по себѣ разумѣется, начали сопротивляться и, сомкнись на сосѣдей, окружающихъ ихъ, протестовать, говори, что они нели сеѣи скромно, но вооруженная военная сила этого знать не хотѣла, ихъ избивала и съ грубостью тащила, придавая сиду возмущенію крикомъ: „бунтъ, бунтъ!" Сейчасъ же доведено было губернатору, и попечителю, безъ всякаго разсмотренія о бунтѣ. Попечитель бывъ тогда Сергѣй Васильевичъ Корейевъ, человѣкъ умный, заботливый, въ полномъ смыслѣ попечитель, но немного вспыльчивый. Этимъ пропешествіемъ онъ былъ пораженъ".

„Всѣхъ за симъ немедленно для разсѣдованія этого мнимаго бунта назначены были комитетъ изъ гражданскихъ чиновниковъ и двухъ профессоровъ, отобранны были отъ каждаго студента показанія, и показанія ихъ въ общемъ смыслѣ, кромѣ мелочей, согласны, т. е. въ одномъ показаніи, что не было ни бесѣдъ „возмущенія", но и безъ всякаго шума, а въ началѣ третьяго полетѣло на сцену яблоко, но откуда и кѣмъ брошено—нѣтъ невѣдомо; что въ то время всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ и никто изъ студентовъ не выходилъ въ сонокъ рядовъ. Но все это въ глазахъ слѣдователей не оправдывало студентовъ и ни одинъ голосъ въ защиту ихъ невинности не слишится. Вдругъ Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ (профессоръ) поднимается и громогласно съ жаромъ говоритъ: „стой, стой! я теперь знаю, совершенно знаю! Секретарь, пишиъ: „1823 года, сентября 28 разигрывалась такая то пьеса, состоящая изъ трехъ дѣйствій. Зрителей было очень много, и студентовъ довольно. Кончилось первое дѣйствіе,—въ театрѣ было скромно; кончилось и второе,—въ театрѣ тоже было тишина, а въ началѣ 3-го дѣйствія брошено на сцену яблоко и невѣрётно кѣмъ и откуда брошено и вдругъ сдѣлался шумъ не отъ студентовъ, а вломилась въ театръ толпа солдатъ въ шестьдесятъ человѣкъ изъ внутренняго батальона. Откуда они въ одну минуту явились. Заговоръ, злоумышленный заговоръ, напередъ обдуманный, коварный заговоръ!" Тутъ-то и другіе члены этого комитета обрадовались сказали: „дѣйствительно! тутъ что-то кроется напередъ задуманное и приготовленное,—какой-то замыселъ дѣйствительно коварный". Губернаторъ Муратовъ и нѣкоторые изъ аристократовъ были скомфуженны, что, чрезъ кого слѣдовало, было предстановлено Императору Александру Павловичу, но прекращено было безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій монаршимъ словомъ: полицімейстера Лаврова удалить, а студентамъ въ театръ не ходить. Это, слѣдовательно, было сдѣлано по вліянію Аракчеева. Одинъ Лавровъ принесенъ былъ въ жертву,—а полицімейстеръ былъ добрякъ".

И Кованько, и Селивановъ пріуроченіе образомъ, запрещенію студентамъ ходить въ театръ въ „исторіи" съ таинственнымъ яблокомъ „аристократовъ". В. Петербургѣ, однако, какъ видно, не сомнѣвались въ предположеніямъ проявленіе студенти не были бы быть лишнемъ права посѣщать театръ. Иръ разсказа Кованька можно вывести заключеніе, что „исторія" производила впечатлѣніе на свидѣтелей Налетовой, о которой упоминается въ „Харьковскомъ Вѣстникѣ" за 1825 годъ, какъ объ артисткѣ, „извѣстной на Украинѣ по своимъ прекраснымъ голосомъ". Цитируемый эти строки приходилось слышать и отъ покойнаго В. К. Пашкова, что „исторія", вслѣдствіе которой студентамъ былъ прекращенъ доступъ въ театръ, произошла изъ за какой-то актрисы. По словамъ Пашкова, однажды, студенты не были жертвами „заговора", а грубо оскорблены чѣмъ то не угодившую имъ актрису: свистали, освистали ее, а затѣмъ, войдя на кулисы, обрывали на ней платье и т. д. Вообще придавіе о театральной свалкѣ изъ-за какой-то актриси долго держалось въ Харьковѣ. Насколько оно вѣрно, судить не беремся, замѣтимъ только, что Пашковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ уже съ 40-хъ годахъ и былъ гораздо моложе Селиванова и Кованьки.

Но и нѣкоторые другіе мѣстные старожилы, разсказывая объ „исторіи", полагаютъ за особо запрещенію студентамъ бывать въ театрѣ, говорятъ, что „исторія" была порождена не „заговоромъ", а буйствомъ во вкусѣ Полежаевскаго Сашки, этого типичнаго представителя прежняго, „допотопнаго" студенчества, „грубой" эпохи нашихъ университетовъ.

По словамъ покойнаго члена Харьковской губернской земской управы Кононова, печатавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ свои воспоминанія въ „Южномъ Краѣ" о Харьковскомъ университетѣ конца 20 хъ и начала 30 хъ годовъ и подшмовавшаго ихъ буквою Ь., причиною запрета были слѣдующіе случаи:

„Одинъ изъ плохихъ актеровъ, весьма дурно выполнявшій свои роли и нелюбимый публикою, вынужденъ бывалъ подпонимку студентамъ, что онъ не будетъ играть больше и оставитъ сцену. Но актеръ не исполнилъ своего обѣщанія, и студенты нѣсколько раз мѣни имя его стали появлялось на афишѣ. Въ тотъ же вечеръ множество студентовъ заняли почти весь партеръ и кресла. При первомъ появленіи актера на сценѣ, полетѣли на него яблоки, картофель, арбузныя корки и т. п. Продолженіе спектакля было прекращено. Произошла общая суматоха въ театрѣ. Досталось при сумятѣ и полиціи, которая и не могла не вмѣшаться въ дѣло. Но затѣмъ, полиція поступила весьма неосторожно. Она незаконно распорядилась студентами и вмѣсто того, чтобы захваченныхъ сдѣлать университетскому начальству, она отвела ихъ въ общую арестантскую при полицейской части. Это вызвало продолженіе той же исторіи и на другой день. Многочисленная толпа студентовъ, съ раннаго утра, явилась на Николаевской площади вмучать своихъ товарищей. Безпорядокъ, шумъ, крики и взаимныя оскорбленія продолжались до тѣхъ поръ, пока арестованныхъ не отвели въ университетъ».

(По словамъ Войтенка, это произошло „долго" до поступленія его въ университетъ. Это поторчуетъ съ дежурнымъ по клиникѣ студентомъ.—„Скажите мнѣ ради Бога", сказалъ онъ, „есть ли надежда на мое выздоровленіе, или я долженъ непремѣнно умереть?"...—Студентъ сразу сообразилъ, что отъ отвѣта его многое зависѣло для общаго интереса товарищей—сжить со сцены бездарнаго пѣвоспирота—и отвѣчаетъ, что больной можетъ и выздоровѣть, и умереть.—Какъ такъ? изумляется артистъ.—„Дайте клятву, что вы оставите дѣйствію сцену, а я спасены; до клятвы этой вы не помнете постели". Несчастный дѣлъ клятву, поправляется, выходитъ изъ клиники, а послѣ затѣмъ имя его появляется снова на афишѣ въ роли Гамлета. Заволновался университетъ за соблюденіе договора, и студенты чуть не поголовно собрались на представленіе. Стулья и скамьи были сломаны и употреблены, какъ метательные снаряды, шумъ и батагліи со полицій, какихъ доселѣ не было слышно. Изъ Петербурга, куда было дано знать о происшествіи, приѣхалъ приказъ возпретить студентамъ посѣщеніе театра".*

Примирить всѣ эти преданія о причинахъ, вызвавшихъ въ 20-хъ годахъ запрещеніе посѣщать университетъ, невозможно. Но нѣкоторыя факты несомнѣнно. Они свосилъ несчастный артистъ. На конецъ, онъ заболѣлъ какою то серьезною болѣзнею и легъ въ университетскую клинику. Тутъ произошло слѣдующее: докторъ его пользовали, а студенти-медики вносящихъ курсовъ, дежуря при клиникѣ и ведя скорбные листы, отзывали больнаго елико возможно долѣе задержать въ постели. Разсказывали, что они съ умысломъ показывали передъ профессорами и ординаторами симптомы болѣзни и тѣмъ вредили исцѣленію артиста. Наконецъ, вымедленный изъ терпѣнія медленностію своего выздоровленія, несчастный больной вышелъ изъ клиники со дежурнымъ по клиникѣ студентомъ.—„Скажите мнѣ ради Бога", сказалъ онъ, „есть ли надежда на мое выздоровленіе, или я долженъ непремѣнно умереть?"...—Студентъ сразу сообразилъ, что отъ отвѣта его многое зависѣло для общаго интереса товарищей—сжить со сцены бездарнаго пѣвоспирота—и отвѣчаетъ, что больной можетъ и выздоровѣть, и умереть.—Какъ такъ? изумляется артистъ.—„Дайте клятву, что вы оставите дѣйствію сцену, а я спасены; до клятвы этой вы не помнете постели". Несчастный дѣлъ клятву, поправляется, выходитъ изъ клиники, а послѣ затѣмъ имя его появляется снова на афишѣ въ роли Гамлета. Заволновался университетъ за соблюденіе договора, и студенты чуть не поголовно собрались на представленіе. Стулья и скамьи были сломаны и употреблены, какъ метательные снаряды, шумъ и батагліи со полицій, какихъ доселѣ не было слышно. Изъ Петербурга, куда было дано знать о происшествіи, приѣхалъ приказъ возпретить студентамъ посѣщеніе театра".*

* „Южный край", 1888 г., №№ 700 и 711.

** „Современникъ Европы", 1862 г., № 24.

*** „Библіотека „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи", II, 78.

„Главнѣйшее счастіе и несчастіе Харьковскаго театра, говоритъ Мятлинъ,—въ двухъ крайностяхъ. Въ трупѣ есть нѣсколько актеровъ, дарованіе которыхъ очевидно: гораздо больше людей бесталанныхъ, совершенно не понимающихъ своего дѣла, нѣчто сорящихся съ памятью и съ здравымъ смысломъ. Нѣтъ средины: нѣтъ людей, о которыхъ можно было сказать *ни то, ни се, туда и сюда*. Къ несчастію, на Харьковской сценѣ, почти въ каждой драмѣ, обнажаются двѣ стороны, почти непредолимыя крайности: таланъ и бездарность, обаятельная простота и грубое невѣжество. Отчего и общность піесы всегда дурна и неудовлетворяетъ даже въ половину требованіямъ искусства. Выдѣетъ *артистъ*—сердце радуется. Вотъ уже начинаетъ увлекаться, уже слова его вытрогуютъ чувствительную струну сердца, кто-чаи гораздо при порядкѣ рукоплесканій (sic) сопровождается громкимъ аплодисментомъ; вдругъ, пристуженная кабуцкаи, появляется *актеръ* съ пошлой, вытянутой физіономіей, съ улыбкой, положей на судорожное подергиваніе губъ или съ мрачнымъ выраженіемъ лица, точь въ точь, какъ у школьника передъ субботней расправой; проигрветъ, какъ шарманка, всѣ свои штуки; простонетъ съ открытыми ртомъ и дремлющими глазами вѣсколько минутъ тамъ, гдѣ нужно роли: *молчаніе*; заржетъ, какъ лошадь, гдѣ сказано: *съ восторомъ*. Иногда этотъ человѣкъ, къ довершенію эстетическаго наслажденія зрителей, говоритъ неестественнымъ голосомъ, не догоняетъ гудкаго слова, не говоритъ, а ходитъ на ногахъ; дѣлаетъ руками и ногами неумышленныя, странныя движенія, давая тѣмъ понять, что онъ въ *ударѣ*, дѣлаетъ пузырь, падаетъ на полъ къ ужасу зрителей сцена обагряется ... кровью! Какъ видите, и въ старомъ Харьковскомъ театрѣ, какъ видите, и шли пожалуй, дальше Соля и... Цукки...

Ѣ—ъ.

* „Современникъ Европы", 1862 г., № 24.

** „Библіотека „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи", II, 78.

*** „Современникъ Европы", 1862 г., № 24.

красную куртку, съ гусарскимъ шитьемъ, сверху накинулъ синій плащъ, подбитый краснымъ, съ маленькимъ воротникомъ, въ видѣ мантіи, на голову надѣлъ голубую бемаску съ золотой кисточкой, а на ноги сапоги, которые надѣвались сверхъ брюкъ, въ родѣ ботфортовъ. Онъ говорилъ густымъ, одноязычнымъ басомъ, не перемѣняя ни положенія тѣла, ни выраженія лица. Какова? Это Полоній. Актрисѣ, вкрадчивой придворной, созданной геніемъ Шекспира! Нельзя было не порадоваться, когда Гамлетъ закололъ его. Его потащили уже со сцены, какъ вдругъ изъ его кармана посыпались и повалились на полъ мѣдныя деньги. Мертвецъ, къ величайшему ужасу публики, вирвался, подобравъ гроши, съ заботливостью спряталъ ихъ въ карманъ и снова умеръ. Подобные пропуски (!) съ принципиальнымъ актеромъ нерѣдки. Недавно еще одинъ умный (!) и даровитый актеръ ошибся (!) очень забавно. Не помню, въ какой роли, ему должно было закоолоться. Онъ исполнилъ это удачно, упалъ и растянулся натурально. Вдругъ изъ партера какой-то повѣсъ закричалъ: „фора! фора! encore!" Актеръ быстро поскочилъ, принялъ соотвѣтствующее положеніе, произнесъ два послѣдніе слова и въ другой разъ закололся".

Лѣтъ 60—70 тому назадъ на провинціальныхъ сценахъ продѣлывались еще и не такія штуки. Нѣкоторые трагики считали своимъ долгомъ, закалывалось, видя на сценѣ какой нибудь пузырь съ клюквой. Артистъ взмахивалъ смертоносным орудіемъ, пронзалъ пузырь, падалъ на полъ къ ужасу зрителей сцена обагрялась ... кровью! Какъ видите, и въ старомъ Харьковскомъ театрѣ, какъ видите, и шли пожалуй, дальше Соля и... Цукки...

Ѣ—ъ.